

Журнал и сцена - 1994. - 1-8 дек. - 9/16

Называя имя Виктора Авилова, предвижу: многие сразу вспоминают первый русский фильм ужасов «Господин оформитель» и главного героя — странного художника с необычной судьбой и необычным, чем-то даже пугающим лицом. В кино нестандартная внешность не принесла этому замечательному актеру удачи, скорее, наоборот, мешала режиссерам разглядеть своеобразие таланта Авилова — тот свет, что свойствен его театральным работам.

— Вы сейчас снимаетесь в кино?

— Да. В сериале по роману Крестовского «Петербургские трущобы». Играю доктора Катцеля, немца. Злодей. Поначалу. А потом должен подобреть. Вообще мне нравятся актерские работы в этом сериале, есть что играть, потому и приятно сниматься.

— Уже существует несколько фильмов с вашим участием: «Узник замка Иф», «Маскарад», «Мужкетеры 20 лет спустя». Вам нравится то, что получается в итоге?

— Нет, не нравится.

— Почему тогда соглашаетесь?

— Когда соглашаешься, еще ведь не знаешь, что получится. Даже когда снимаешься, не знаешь. А получается, например, так: пытаешься играть что-то серьезное, а при монтаже подкладывают какую-нибудь бессмысленную музыку, и выглядишь дураком со своей серьезностью; или же, наоборот, комикуешь, а с помощью монтажа, звукового оформления получается так, что опять же это выглядит глупо. Естественно, что мне не нравится.

— Вы больше любите играть в театре?

— Конечно. Разве можно сравнивать кино и театр?

Что происходит на сценической площадке Театра на Юго-Западе, когда играет Авиллов, трудно объяснить. Его игра завораживает, он словно дает плоть и кровь своим героям, как если бы действительно существовал такой человек, с мыслями, свойственными только ему, с импульсами к действию, рождающимися где-то в самой глубине его души. Есть и еще одна составляющая в таланте Авилова. Не оттого ли и благородные герои актера, и его «злодеи» одинаково незабываемы, что и в тех, и в других — начало от Любви, словно актер знает о людях что-то главное, единственно важное?

— Говоря о театре, начнем с самого вашего узкого места: вы — непрофессиональный актер. У вас нет комплекса на этот счет?

— Нет. Что значит профессиональный актер? Получивший диплом об образовании? Вы путаете понятия профессионализма и получения театрального образования. Это разные вещи. Профессионализм заключается не в том, чтобы получить диплом об образовании. Как вы себе представляете: человек лет двадцать назад получил диплом, у него там по обществоведению пятерки, по физкультуре, по иностранному языку. И троечка по мастерству актера. И, кстати, еще вопрос: кто его этому мастерству учил? Я знаю, что в театральных училищах есть люди, чьи фамилий я ни разу не слышал, мне не известно, кто они такие, но они преподают студентам мастерство актера. А имеют ли они право на это? Я понимаю, например, если бы мастерство актера преподавал Джигарханян, или Калягин. Те, кого знают все. Знают — благодаря их профессионализму.

— Есть ли такой человек, актер, которого бы вы считали своим учителем? Или кумиром?

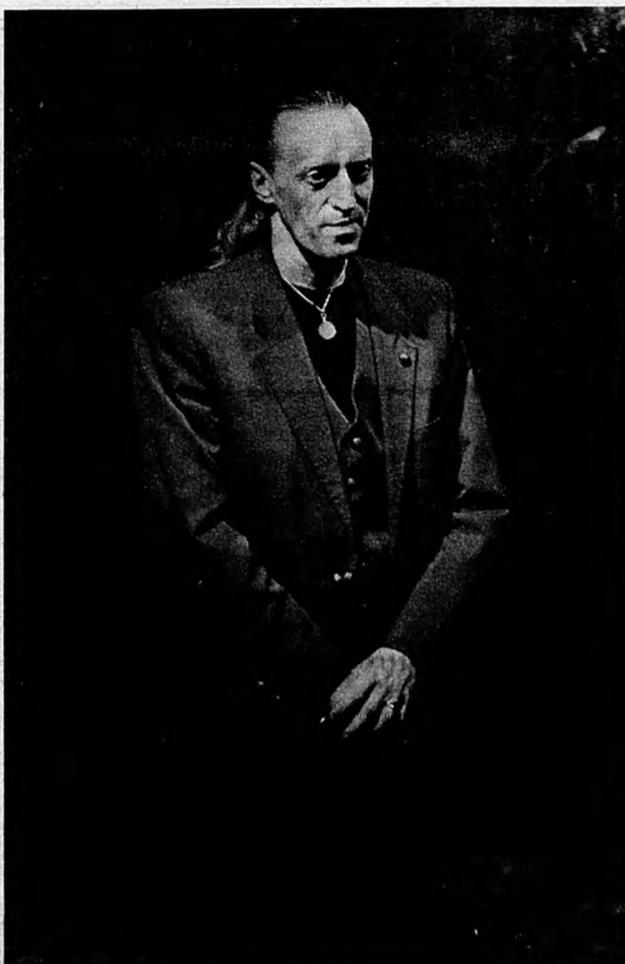
— Нет, такого человека нет. Есть отдельные роли у отдельных актеров, которые, я считаю, им удалось. Например, я наслаждаюсь в «Обыкновенном чуде» Евгением Леоновым. Мне нравится игра Калягина в «Эзопе». Обожаю многие роли Евстигнеева, Джигарханяна. Но даже у актеров, которых я перечислил, могу, но просто не хочу, назвать неудавшиеся роли. Кумира у меня нет. Я повторяю, если мне, например, скажут, что актер, сыграв за свою жизнь пятьдесят ролей, во всех был одинаково великолен, не поверю. Это будет неправда, потому что у любого актера есть удачи, есть неудачи, и это нормально. Ведь очень трудно предугадать, получится у тебя та или иная роль, или нет: не найдешь какое-то зерно, и все — не будет роли. У меня у самого все так же: оказывались и провальные роли, в которых мне было неуютно. Например, мне не нравилось, как у меня идет Хлестаков. И не одна эта роль, я могу назвать еще несколько, которые мне не хотелось играть, а играл через силу. Во всех случаях предпочитаю идти от собственного внутреннего ощущения.

— Когда вы решаете, что роль в театре вам удалась?

— Это не я решаю, а зритель. Если зритель смеется от души, значит, роль удалась, если зритель смотрит, замерев, и, что называется, слышно, как муха пролетела, значит, все нормально. А если, например, актер пыжится, играет на сцене, а зрители разговаривают между собой — о чем тут рассуждать?

— Но может же это быть неудачей не актера, а режиссера?

— Я говорю, что это неудача, а потом уже можно разбираться, чья она. Если неудачную пьесу выбрал режиссер, значит, у него нет чуткости. Но, с другой стороны, из любой, даже слабой пьесы хороший режиссер может сделать интересный спектакль.

Гамлет против Гамлета

— Наблюдая вас в комической роли, невозможно представить вас в роли трагической, как вам удается такое полное перевоплощение?

— Как удается? Переоделся, текст повторил, пошел и... Передо мной стоит задача: сегодня, например, сыграть Кочкарева, и, насколько могу, я эту задачу выполняю. На следующий день мне приходится играть Гамлета, я иду и, насколько могу, пытаюсь выполнить эту задачу.

— А как вы работаете над ролью?

— Сначала нужно выучить текст, это самая тяжелая, черновая работа, а вот когда текст выучен, когда переставешь о нем думать, начинается работа над ролью. И работа эта продолжается все время, год за годом. Вот булгаковский «Мольер». Мы играем спектакль четырнадцатый год, но каждый сезон я замечаю в нем какие-то изменения для себя. Приходишь после лета и чувствуешь, что спектакль идет по-другому, и приблизительно в такой трактовке он идет весь сезон. Я не говорю о внешнем рисунке роли, он мало изменяется, для меня более важны внутренние изменения.

— Есть ли у вас любимая роль, или, скажем так: что вам интереснее всего играть?

— Одну я бы не смог назвать. Естественно, что самые интересные роли — это Мольер, Калигула, Гамлет, Беранже в «Носорогах». Очень люблю играть полковника Лузлифа Харпера в пьесе Воннегута «С днем рождения, Ванда Джун!» Очень люблю играть в спектакле по шукшинским рассказам — просто бальзам на душу. Другие роли меньше, но тоже... Даже Ланцелота в «Драконе» Шварца, — казалось бы, такая «розовая» роль. Мне интересно копаться в психологии Калигулы, мне любопытны его «сдвиги». Каждая из ролей по-своему интересна.

— А есть ли роль, которую вы очень хотели бы сыграть?

— Не знаю. Мне повезло в этом смысле, я играю достойный набор ролей, во всяком случае, в театре.

— А, например, Сирано де Бержерак?

— «Сирано де Бержерак»... Да, хорошая вещь. Но хорошо, когда идешь по возрастающей. Может быть, лет семь-восемь назад это была одна из тех ролей, которые я мечтал бы сыграть. И лет семь-восемь назад, кстати, в театре был разговор об этом. Но я считаю, что сыграть Гамлета, Калигулу, Мольера, — это, в некотором смысле, «высший пик». Да, в «Сирано» есть прекрасные места, действительно

высокие моменты. Трагедия этого человека, внешнее уродство. Когда он умирает, и Роксана догадывается, что он любил ее всю жизнь, и просит его: ну признайся, ты меня любишь? Он отвечает: я не люблю тебя, любимая! Ради нее же он от нее отказывается. Красиво. Нет, конечно, удовольствие от этой роли было бы. Сыграл бы и эту роль, и многие другие — того же Арбенина из лермонтовского «Маскарада» (в кино я сыграл его неудачно, и сам фильм был неудачен), мне нравится пьеса Юлиу Эддиса «Жажда над ручьем» о Франсуа Вийоне.

— Одна из ваших любимых ролей — Гамлет. Кто-то сказал, что в этой пьесе содержится все, что можно сказать о человечестве. Что такое Гамлет для вас?

— Я не считаю «Гамлета» вершиной мировой драматургии, это не вершина, это какая-то веха на пути к вершине, вершина дальше, выше. В «Гамлете», например, совершенно нет той проблемы, которая есть в «Сирано де Бержераке» — о большой безответной любви, и когда человек носит на себе уродливость свою. Когда Сирано говорит: я иду и вижу, как в парке сидят влюбленные, они обнимают друг друга, они любят, любимы... и я представляю, как моя любимая обнимает меня, и я люблю, любовь... И вдруг! Взшедшая луна бросает тень мою на стену... я вижу свой профиль... И плачет, говоря это... В «Гамлете» это есть?

Принято считать, что главное в «Гамлете» — мышление «быть или не быть». А мне там, например, нравятся другие монологи, которые, я считаю, сильнее, чем «быть или не быть». Он, на мой взгляд, слишком расплывчатый: смиренный... смирять... оканчивать сопротивление... Быть или не быть, умереть ему, или еще пожить, или подрасть? Нет! Конечно, быть! «Быть или не быть» — этот вопрос очень многие люди решают. Даже вот взять пьесу «Последняя женщина сеньора Хуана» Леонида Жуховицкого, там тоже в финале — свое «быть или не быть». Хуану говорят: ты уже почти в аду, ты уже превратился в легенду, у тебя уже нет жизни, спасай себя, — и в это время держат нож у горла женщины. И он отвечает: ладно (ломает шпагу), показывай, где твой ад! Женщину — отпусти! И идет в ад. Поставьте их рядом, посмотрим, кто из них более крутую задачу решает. Дон Хуан пошел на смерть, чтобы спасти другого человека. Гамлет бы смог это сделать? Сомневаюсь. Да Гамлет бледен по сравнению с тем, что наши люди делали во время войны. А декабристы те же. А жизнь Булгакова во времена Сталина. Да Гамлет рядом с этими людьми и постоять не имеет права, сила духа какая! Мятущийся принц, не знающий, быть ему или не быть — это смешно просто! За всю мировую историю были и более сильные персонажи, не один он такой.

— Я чувствую, что сами вы — добрый человек, но так получается, что в вашем репертуаре много «злодеев», и еще вы сказали, что любите «копаться в психологии» своих персонажей, вот и ответьте: почему люди бывают злыми, как вы считаете?

— Ну, это вопрос к Создателю. Почему люди рождаются добрыми, ведь все рождаются добрыми, и почему они постепенно становятся злыми. «А что делало бы ваше Добро, если бы не было Зла? И как выглядела бы земля, если бы с нее исчезли тени?» — говорит Роланд. А что есть зло? Вот убить человека — это зло?

— Не всегда.

— Где же тогда добро, а где зло? Обмануть человека, оставить без денег — это зло или добро? А украть у человека что-то — это добро или зло? С одной стороны, мы скажем, — конечно, зло. А может быть, став бедным, пройдя через бедность, человек очистится, станет другим. Есть одна восточная притча. Однажды в большую залу, где были люди, влетела птичка, людям стало жаль птичку, все пытались ее выпустить, старались не задеть, не напугать. И стоял спокойно один человек. Птичка выбилась из сил и села на выступ стены рядом с ним. Тут он ударил в ладоши, и птичка с перепугу вылетела в окно. Он поступил, конечно, грубее всех, напугал ее, но птичка вылетела на свободу. Так кто же знает, что есть добро и что есть зло?

Мольер, Калигула, Волянд, Гамлет, Ланцелот — все персонажи Виктора Авилова проходят перед твоими глазами, приводя к неожиданным мыслям. Когда-то я прочитала, что в древности актеров приравнивали к жрецам, усматривая в их искусстве какой-то сокровенный смысл. Мне кажется, теперь я знаю, какой: вот они, разные люди, совершающие дурные и добрые поступки, люди уничтожающие и спасающие, ненавидящие и любящие, подлые и герои, все они словно нанизаны на единую светящуюся нить. Кто скажет, добра или зла эта душа, столько пережившая, столько разрушившая, но и столько сотворившая? Судить ее невозможно: она просто такова. Если только верить, что мы появляемся на земле не единожды. А наблюдая за игрой этого актера, понимаешь, что скорее всего так оно и есть.

Наталья БОНДАРЕНКО.

Фото Константина Горячева.